

Цзян Чжунсюэ холодно смотрела на него, слегка приподняв подбородок. Под глазами залегла мрачная тень.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она.

Она спрыгнула с дерева. Бесшумно, мягко, как кошка, ступила на землю и сделала шаг к Рябому Вану.

— Что ты здесь делаешь? — повторила она.

Рябой Ван увидел в её руке отблеск — в лунном свете тускло блеснуло лезвие ножа.

От страха он остолбенел.

Отступил на шаг, ахнул и, размахивая руками, зашептал:

— Не надо! Я просто... смотрю, не пройдёт ли кто по холму. Девчонка же моется, негоже, если её кто увидит!

Цзян Чжунсюэ уставилась на него, её взгляд прожигал насквозь, словно выискивая ложь.

Рябой Ван в страхе отступил ещё на пару шагов, не смея встретиться с её глазами. Цзян Чжунсюэ смерила его взглядом, затем ловко провернула короткий клинок в руке — тот описал в воздухе плавную дугу и скрылся у неё за поясом.

Она опустила голову, взглянула в сторону, где мылась Цинь Чаншэн, и тихо сказала Рябому Вану:

— Если беспокоишься насчёт прохожих — не стоит. Я здесь. Ничего такого не случится.

Рябой Ван испуганно буркнул:

— Ага...

Цинь Чаншэн внизу, услышав возглас со стороны холма, тут же присела, прикрывшись, и осторожно окликнула:

— Кто там? Рябой Ван?

Склон скрывал от неё происходящее наверху. Рябой Ван, услышав вопрос и взгляд Цзян Чжунсюэ, пробормотал в ответ:

— Да, это я, девочка. Стою тут, на всякий случай. Не бойся.

Цинь Чаншэн успокоилась и продолжила обмывать ссадины и грязь. Цзян Чжунсюэ бросила на Рябого Вана последний взгляд, и тот, словно ошпаренный, юркнул вниз по склону, лишь на прощание в ужасе оглянувшись на неё.

Услышав ответ Рябого Вана, Цинь Чаншэн почувствовала тёплую благодарность. Она смочила тряпицу в горячей воде и приложила к синяку. Подумав, она снова тихо крикнула в сторону холма:

— Рябой Ван, спасибо.

Цзян Чжунсюэ смотрела на неё сверху, стоя на дереве и опираясь рукой о ствол. Не проронив ни слова.

Кончив мыться, Цинь Чаншэн взяла испачканную одежду и принялась её стирать. Не услышав ответа с холма, она заговорила снова, словно сама с собой:

— Моя тётя была такой же, как я. Избалованной. С детства ни в чём не знала нужды.

Она аккуратно, мокрой от мыльной пены рукой, убрала прядь волос с лица за ухо.

— Та самая тётя, о которой я говорила. Та, что умерла молодой. После смерти деда брат рассказал мне, что у меня была такая тётя. Она, как и я, унаследовала имя нашей семьи. И способность. Её тоже лелеяли, как драгоценность, с ней тоже нянчились. А потом, в один день, семья объявила ей, что у неё есть неотвратимый жребий. Что ей суждено пройти через испытание.

— И вот моя тётя изо всех сил пыталась свою судьбу переломить. Вынесла невыносимые страдания, прошла через странные и жуткие дела, достигла в нашей семье невиданных высот, силы обрела невероятной. Но в конце концов... всё равно умерла.

— Говорят, умерла она мучительно.

Цзян Чжунсюэ смотрела на неё.

Сквозь тьму.

Будто сквозь трёхтысячелетнюю толщу судьбы.

Цинь Чаншэн терла одежду о камень и продолжала:

— Я не хочу умирать. Кто захочет? Умрёшь — и уже не увидишь ни друзей, ни родных. Все возможности, всё будущее — коту под хвост. А я ещё столько всего хочу попробовать, столько мест увидеть. Я ведь самая обычная. Я никогда не хотела никаких способностей наследовать, не мечтала благодаря им возвыситься, над людьми встать. Но даже если бы и хотела — что с того? Я с рождения обречена носить имя Цинь Чаншэн. У меня не было выбора. Потому что выбирать мне не дано.

— Жребий — он и есть жребий. Будь ты покорным или бунтарём — всё равно окажешься на тарелке, где им будут вертеть как захотят.

— Хотя нельзя же так уж пессимистично. Может, за все эти тысячелетия небеса всё же смилостивились и дали мне тоненькую ниточку надежды? Шанс выжить? Пока я жива — буду бороться. Вдруг... вдруг получится.

Она замолчала, затем смущённо добавила:

— Я, кажется, разболталась. Не стоило тебе всё это рассказывать. Но ты не бойся — считай, что я бредила. Если не станешь трубить об этом на каждом углу, никто тебя не тронет. Просто послушал байку — и ладно.

С холма по-прежнему не доносилось ни звука.

Цинь Чаншэн дополоскала одежду, выжала её, надела чистую, что дал Рябой Ван, и крикнула в сторону холма:

— Я пошла внутрь! Можешь не стоять!

Она умерла мучительно.

Цзян Чжунсюэ, застывшая во тьме, бесшумно спрыгнула с дерева.

Тридцать лет назад, в последние мгновения, Цинь Чаншэн лежала у неё на руках. Её запекшиеся кровью губы были прекрасны, как покрытые росой розы, — прекрасны и разбивали сердце.

При первой встрече на ней было идеально сидящее платье-ципао, с тёмной вышивкой по подолу. На солнце нефритовый браслет на её запястье отливало мягким, маслянистым блеском.

Она пила чай, и на лице её читалась та особая, возвращённая в неге надменность. Увидев Цзян Чжунсюэ, она слегка приподняла подбородок. Солнечный свет резал воздух, и в его лузах плясали золотые пылинки.

Цинь Боцзэ стоял позади неё, и во взгляде, которым он смотрел на сестру, была лишь нежность.

Она поднялась.

В просторных покоях, за ширмой с вышитыми журавлями и облаками, её каблуки отчётливо стучали по мраморному полу. Цинь Чаншэн подошла к ней. На безупречном лице были тонко подведены брови.

— Ты и есть Цзян Чжунсюэ? — холодно спросила она.

Позже, умирая, она лежала у неё на руках. Кровь струилась из уголка её губ. Она слабо закрыла глаза.

Сколько смертей она повидала, сколько разлук пережила. Но сердце её сжималось от боли лишь тогда, когда в её объятиях угасала жизнь.

Лицо Цинь Чаншэн было искажено мукой, у неё не было сил даже кашлять. Она лежала на руках у Цзян Чжунсюэ, повернула голову и спросила:

— Если я усну... я уже не проснусь, да?

На ней была одежда, разительно непохожая на ту, первую. Вокруг вились духи погибших, а вой вьюги звучал, словно приглушённый плач, доносящийся из преисподней.

Она прошла через страдания, невообразимые для простого смертного. Прошла через всё. И уже почти увидела проблеск надежды.

Но спасение так и не пришло.

Слёзы скатились по её вискам. Цинь Чаншэн протянула руку, взяла руку Цзян Чжунсюэ и тихо прошептала:

— Я знаю, ты устала, Асюэ. Остановись.

Глаза Цзян Чжунсюэ налились кровью. Она крепко, до хруста, обняла Цинь Чаншэн и прохрипела:

— Да. Я устала. Как же я хочу умереть вместе с тобой. И больше никогда не просыпаться.

Долголетие — не дар небес. Это проклятие, от которого нет избавления.

Цинь Чаншэн улыбнулась. Выкашляла сгусток крови и вздохнула, словно с облегчением:

— Забудь меня. Не ищи моё следующее воплощение. Это уже буду не я. Считай, что я окончательно умерла. Отпусти себя.

Цзян Чжунсюэ прижала её к себе ещё сильнее. Спустя мгновение она молча кивнула.

Цинь Чаншэн с облегчением закрыла глаза. Она сжала руку Цзян Чжунсюэ, и вдруг слёзы хлынули из её глаз потоком. Она тихо заплакала:

— Как же я хочу жить... жить с тобой... вместе...

Её голос оборвался. В груди раздался глухой, тяжёлый звук, будто что-то разбилось.

Цзян Чжунсюэ прижалась лицом к её шее.

Постепенно наступающая холодность. Пряди волос, касающиеся щеки. Она уткнулась в её шею, позволяя слезам течь, и потерянно прошептала:

— Что же мне делать?

В ответ ей был лишь бесконечный вой метели.

Меж небом и землёй — лишь белая, слепящая пустота.

«Каждая из них — ты. И ни одна из них — не ты. Чаншэн, я устала».

«Почему умерла не я?»

«Если бы небеса вняли моим мольбам, даровали мне хоть крупицу милости, исполнили одно желание... я... я бы лишь пожелала вечного сна».

«Вечного сна. Чтобы больше никогда не просыпаться».

<http://bllate.org/book/16269/1464310>